

de signer leur envoi par quelque lettre ou chiffre. Le *Kolokol* publiera immédiatement le chiffre et la somme. Ceux qui désirent avoir des reçus pourront en obtenir. Les rédacteurs du *Kolokol* sont responsables de la transmission des fonds à leur destination.

Russie, février 1863.

Перевод:

*Центральный комитет общества «Земля и воля»
ко всем русским, находящимся за границей*

Центральный комитет призывает всех русских поддержать фонд, предназначенный посланным в Сибирь и на расходы, которые может потребовать наше общее народное дело. Путешествующие или проживающие за границей русские могут направлять свои взносы редакторам «Колокола» в Лондон и приглашаются подписывать свои посылки буквами или шифрами. «Колокол» будет незамедлительно печатать все шифры и суммы. Желающие иметь расписки смогут их получить. Редакторы «Колокола» несут ответственность за передачу средств по назначению.

Россия, февраль 1863 г.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ОГАРЕВА С ПАВЛОМ ПРУССКИМ (П. И. ЛЕДНЕВЫМ)

Публикация П. Г. Рындынского

В период подъема освободительного движения в России, на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов, в поисках путей сближения с народом некоторые революционеры уделяли особое внимание религиозно-оппозиционному движению — старообрядчеству и сектантству. Повышенный интерес к преследуемым вероучениям был характерен, в частности, для Огарева, ставшего, как известно, во главе особого органа революционной эмиграции — журнала «Общее вече».

Общественную сущность и идейное содержание старообрядчества, как мы теперь знаем, Огарев понимал, в основном, неправильно: он идеализировал старообрядчество. Это было типично не для него одного, но и для большинства передовых общественных деятелей эпохи. Огарев не замечал классовых противоречий между различными социальными группами приверженцев старообрядчества и не учитывал прочной связи старообрядческой верхушки с консервативными кругами русской буржуазии. Он считал, что свобода веры и развитие религиозных течений «составляют единственный путь к освобождению масс от умственного застоя и огромную пружину к их участию в деле общественном» («Письма к „одному из многих“». — Н. П. О г а р е в. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 665).

Огарев и Герцен пытались установить и укрепить связи с различными толками старообрядчества (об их сношениях с представителями так называемой поповщины см. в письмах В. И. Кельсиева и О. С. Гончарова, напечатанных в т. 62 «Лит. наследства»); из видных представителей беспоповщинского толка их особым вниманием пользовался глава зарубежной общины беспоповцев Павел Прусский.

Петр Иванович *Леднев*, известный впоследствии под именем *Павла Прусского* (1821—1895), родился в богатой купеческой семье в городе Сызрани. Еще в молодости, в родном городе, он стал активным проповедником беспоповщинского федосеевского толка, а потом на короткое время, в 1846—1848 гг., оказался в главном центре этого направления старообрядчества, в московской Преображенской общине (Преображенском кладбище).

В то время все дела этой общины целиком контролировались крупнейшим московским фабрикантом Е. Ф. Гучковым. Взамен падавшей в своем значении Преображенской общины, Гучков основное внимание уделял новому беспоповщинскому мона-

стырю, который был создан по его инициативе за пределами России, близко от ее границы, на территории, принадлежавшей тогда Пруссии, в городке Иоганнисбурге (ныне г. Пиш). Повидимому, Гучков создал зарубежный центр беспоповщины не для того, чтоб укрепить религиозно-оппозиционную организацию — к ней он давно охладел и даже формально из нее вышел,— он руководствовался более всего своими предпринимательскими интересами: община создавалась в районе текстильного производства, конкурировавшего с московской промышленностью.

Во главе новой общины был поставлен Петр Леднев. При переименовании он получил имя Павел, а взамен прежней фамилии — прозвище *Прусский*, по местонахождению возглавлявшейся им общины. Павел Прусский управлял зарубежными старообрядцами-беспоповцами длительное время — с 1848 по 1867 г., с коротким перерывом. В старообрядческих кругах он стал известен благодаря интенсивной литературной деятельности, осуществлявшейся им совместно с его помощником и единомышленником Константином Голубовым. Большое значение имело и то, что федосеевская община располагала в Иоганнисбурге собственной типографией, которая обслуживала старообрядцев беспоповщинского толка.

Основные факты биографии Павла Прусского указывают на его большую близость к кругам крупной буржуазии, ставленником которой он был. Характерно, что проповедовавшаяся им реформа федосеевского согласия была направлена на смягчение и сглаживание тех его особенностей, которые заставляли считать это согласие одним из наиболее радикальных течений в беспоповщине. Реформирование это должно было приблизить толк федосеевский к толку поморскому, к которому, в силу его умеренности, тяготели наиболее зажиточные федосеевцы.

В 1868 г. Павел Прусский перешел в единоверие и вернулся в Россию, где стал одним из наиболее активных «обличителей» и гонителей старообрядчества и всякого религиозного разномыслия. Он до своей смерти являлся настоятелем Никольского единоверческого монастыря в Москве, в который была преобразована часть старообрядческой общины (Преображенского кладбища). Павел Прусский в этот последний период своей жизни занимал крайне реакционную идейно-политическую позицию, будучи ближайшим сподвижником ярого консерватора Н. И. Субботина.

Разумеется, что раскрытые теперь прочные связи Павла Прусского с крупными промышленниками-капиталистами и его идейная позиция в период пребывания в беспоповщине не были достаточно ясны общественным деятелям того времени. Для них на первый план выступали иные стороны жизни и деятельности этого старообрядца. Приверженность Павла Прусского к наиболее радикальному религиозно-оппозиционному течению, его пребывание в недосягаемом для царского правительства месте почти на положении эмигранта, склонность к самостоятельному мышлению и литературному труду, а также находившийся в его распоряжении типографский станок — все это определяло повышенный интерес к нему некоторых революционных деятелей.

Первое непосредственное общение представителя русской революционной эмиграции с Павлом Прусским относится к 1862 г. — времени секретного приезда в Россию В. И. Кельсиева. При содействии А. А. Серно-Соловьевича Кельсиев встретился в Петербурге с находившимся там тайно, как и он сам, знаменитым беспоповцем; на обратном пути в Лондон Кельсиев посетил Павла Прусского в Иоганнисбурге, где пробыл у него в монастыре три дня, во время которых продолжались начатые в Петербурге переговоры. Об этих встречах Кельсиев довольно подробно рассказал на страницах своей «Исповеди» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 329—333); о том же писал и Павел Прусский («О моем знакомстве с Кельсиевым». — «Братское слово», т. II, 1889, стр. 696). Оба они к этому времени уже раскаивались в былой антиправительственной деятельности, и это отрицательно сказалось на точности сообщаемых ими сведений, однако основной факт — отказ Павла Прусского сотрудничать с революционными кругами — в том и другом повествовании передан, повидимому, верно.

Вместе с тем, как явствует из показаний Кельсиева, Павел Прусский не отвергал возможности продолжения сношений с эмигрантами — он, в частности, намеревался наладить с их помощью издание в Лондоне старообрядческих сочинений в более широких масштабах, чем это делалось в Иоганнисбурге.

В «Исповеди» Кельсиев вспоминал о том оптимистическом настроении, которое у него создалось в результате общения с Павлом Прусским; это заставляет подозревать, что он договорился с ним не только об изданиях старообрядческих книг, но и о более существенном — возможно, об участии Павла Прусского в уже предполагавшемся тогда особом периодическом издании для старообрядцев. «Мы шли разной дорогой, наши верования были диаметрально противоположны, но любовь к людям была у нас обеих единственной пружиной всех действий. Мы оба на все были готовы, только бы доброе сделать», — писал Кельсиев в «Исповеди» (цит. соч., стр. 334). Далее он сообщал, что сами старообрядцы, поповцы и беспоповцы, просили его «завести для них газетку» (там же, стр. 343). Из сказанного Кельсиевым о «цензуре» Огарева следует, что во времени подготовки первого номера «Общего веча» его редакторы уже располагали какими-то статьями старообрядцев, возможно привезенными Кельсиевым; число таких статей значительно увеличилось после выхода первого номера журнала.

Эти обстоятельства помогают понять первый из публикуемых здесь документов — письмо Павла Прусского к Огареву от 4 марта 1863 г. Из него видно, что редакторы «Общего веча» в не дошедших до нас письмах просили настоятеля беспоповщинской общины продолжать дискуссию, поднятую в статье Огарева «Ответ на письмо об „Общем вече“» («Общее вече», № 2 от 22 августа 1862 г., стр. 12—14). В этой статье, начинающейся с обращения к некоему инок, приводится небольшая выдержка из письма к редактору, в котором «инок» защищал принцип частной собственности на землю, как якобы необходимое условие для экономического прогресса; вся же статья, написанная Огаревым, посвящена доказательству противоположного тезиса — что общественное владение землей не только открывает невиданные перспективы для хозяйственного развития, но и гарантирует справедливое разрешение социального вопроса, ликвидируя имущественное неравенство. Просьбы Огарева и Кельсиева о продолжении дискуссии заставляют думать, что первое письмо, на которое отвечал Огарев в журнале, написанное от имени некоего инок, было прислано в редакцию самим Павлом Прусским или кем-либо из его близких сподвижников, возможно Голубовым. Это предположение подкрепляется содержанием следующего публикуемого здесь документа — письма Огарева к Павлу Прусскому. В последней его части Огарев, несмотря на отказ старообрядца продолжать споры, все же возобновляет обсуждение тех больших общественных вопросов, которые были предметом дискуссии, начатой во втором номере «Общего веча». Прямая связь «Ответа» Огарева в журнале с черновым текстом его личного письма Павлу Прусскому заставляет думать, что и печатный «Ответ», написанный в форме открытого письма, адресовался к нему же. Добавим к сказанному, что издания типографии в Иоганнисбурге более позднего времени не ограничивались богословскими текстами, а нередко содержали в себе статьи на широкие общественные темы.

Содержание публикуемого здесь письма Огарева весьма интересно. В нем сжато и отчетливо высказаны мысли о том большом значении, какое имеет лозунг свободы совести в ряду других демократических требований. Огарев заявляет, что он признает «свободу веры без ограничения». Надо особо отметить развитую в этом письме мысль, что «свобода веры неразрывно связана со всеми вопросами гражданской свободы» и что «освобождение совести от владычества господствующей казенной церкви (<...> без коренного изменения общественного устройства немисливо, невозможно». Эти передовые и очень верные мысли о связи борьбы за свободу совести с борьбой за всестороннее освобождение народа были весьма характерны именно для русского демократического движения — они прошли через всю его историю. Руководствуясь этими положениями, Огарев в своей революционно-пропагандистской деятельности, в частности в работе по журналу «Общее вече», постоянно сочетал разоблачение казенной церкви и призывы к борьбе за свободу совести с рассмотрением более общих вопросов коренного общественно-политического преобразования. Показательным примером именно такого тесного сочетания является рассматриваемое письмо, в котором от доказательств необходимости борьбы за свободу веры автор постепенно переходит к пропаганде социалистического общественного строя.

Но в этом же письме заметны и слабые стороны позиции Огарева — его уверен-

Статья, присланная в редакцию «Общего веча», не была опубликована: журнал окончил свое существование, а главное — основное содержание статьи делало совершенно невозможным помещение ее на страницах органа революционной эмиграции. Высказав свое отрицательное отношение к клеветническим нападениям на «Общее вече» и удовлетворив тем самым пожелание редакции журнала, автор затем все оставшееся в статье место отводит «доказательствам» бытия бога и «обоснованию» тезиса, что каждый «умный человек» якобы не может сомневаться в его существовании. Можно предполагать, что такое построение корреспонденции являлось сознательным трюком, рассчитанным на то, чтобы ценой удовлетворения просьбы редакции и содействия ей в текущей политической работе изменить общую идейную направленность журнала, превратив его в проповедника религии. Разумеется, Огарев не мог пойти на такую сделку, и редакторский карандаш вычеркнул из статьи все богословские рассуждения. Но после этого статья самым резким образом изменила свой смысл.

Этот эпизод интересен тем, что он на конкретном примере показывает те большие трудности, которые вставали перед Огаревым. «Общее вече» было задумано в качестве органа революционного просветительства, но оно вместе с тем было рассчитано на сотрудничество в нем руководителей старообрядчества, носителей самых реакционных взглядов.

Можно догадаться на основании дошедшего до нас запроса Герцена и Огарева от 10—14 марта 1864 г., адресованного О. С. Гончарову (XVII, 134), что свое отрицательное отношение к выступлению журнала «Европеец» против «Общего веча» Павел Прусский — предполагаемый автор рассматриваемой статьи — высказал, вероятно, по специальной просьбе его издателей. Видимо, с подобными же просьбами они обращались и к руководителям иных направлений старообрядчества.

Публикуемые документы дают новый ценный материал для разработки важной исследовательской темы о поисках русскими революционерами, — в данном случае Огаревым, — путей к сближению с народными массами и о тех достижениях и ошибках, которыми эти поиски сопровождалась. Особое значение эти материалы приобретают в связи с тем, что они обрисовывают конфликт, возникший на основе столкновения взглядов Огарева — революционного просветителя, демократа — с консервативной идеологией Павла Прусского — носителя идей и взглядов, свойственных кругам крупной буржуазии.

Документы печатаются по автографам «софийской коллекции» (письмо № 2 — по черновому автографу).

1

ПАВЕЛ ПРУССКИЙ — ОГАРЕВУ

⟨4 марта 1863 г.⟩¹

Милостивый государь
Николай Платонович,

Приехал я с дороги в феврале месяце, прочел посланное вами письмо, на которое отвечаю на ваше имя. Первое, благодарю вас за пересылку любезнейшего мне Кельсиева письма². Он в письме просит ответить на ваш ответ, что бы я и сотворил при сем письме, потому что мне сделать возможно — в том отказать ему моей совести тяжело за его любовь, но воспрепятствовало то — ваши листочки все у меня соблюдаются, а этот как-то затерялся — или кому дали без меня, или на почте затерялся. Прошу вас вторично прислать ваш ответ³, а что вы, любезнейший, желаете с нами * иметь переписку, я вам без лукавства говорю: я человек не ученый, а политических дел плана почти и вовсе не знаю, от коммерческих дел я удалился ** в юности и о них никогда не занимался почти и разговорами. Поэтому мне и все дела плохо знакомы; взошла в меня ревность,

* В подлиннике: с вами. — *Ред.*

** В подлиннике: удалился. — *Ред.*

что в некоторых старообрядцах упущен брак, чрезо что и много они должны страдать бедствий; о этом, как о знакомом деле, сколько моих сил, попецись понудился⁴, а о других делах мне сообразить план и трудно, а не сообразя вступаться — не хочется быть подобно слепому стрельцу, а есть ли бы и вступил, то я, человек, плененный христовой славой, иначе судить не могу, только в сходство христианских положений, посеми и прошу вас от такового дела, которо выше моей силы, меня уволить и не огорчсь на меня, милостивый государь, — я, може, что и грубо или невежественно пишу. Я чувствую ваши к старообрядцам благосклонности и благодарю, но потому отказываюсь — я человек простой, со учеными людьми мне вступаться в беседу — только себя стыдить, да и с Кельсиевым я подружился — только-то меня завлекло, что на искусе увидели его простоту, и тот поступок заставил меня его любить и дружбу с ним иметь. Не рассматривая моего невежества, меня из ученых и в Питере кое-кто завлекали в беседу⁵, но я отскочил. Извини меня, честный муж, и не огорчсь на мои слова — я не вас зазираю, но себя сужу недостаточного к вашей переписке: часом что неследующее напишу и будет после стыдно. Прошу меня простить, что я так пишу — без политики, навьк я жить христианской прямизной.

Кланяюсь тебе

убогий о(тец) П а в е л

Марта 4.

¹ Год указывается в соответствии с датой номера «Общего веча», о котором говорится в письме, и с публикуемым ниже письмом Огарева (№ 2), которое является ответом на данное письмо.

² Письма Огарева и В. И. Кельсиева, о которых здесь идет речь, нам неизвестны.

³ Статья Огарева «Ответ на письмо об „Общем вече“», помещенная во втором номере «Общего веча» от 22 августа 1862 г., стр. 12—14.

⁴ Павел Прусский был автором многих статей, направленных против запрещения у федосеевцев оформленных браков; вопрос о браках он разрешал в духе поморского согласия.

⁵ О ком из «ученых» идет речь — точно неизвестно. Одним из них, очевидно, был А. А. Серно-Соловьевич, который, по рассказу В. И. Кельсиева в «Исповеди» (указ. изд., стр. 329), имел сношения в Петербурге с некоторыми беспоповцами и содействовал устройству встречи Кельсиева с Павлом Прусским.

2

ОГАРЕВ — ПАВЛУ ПРУССКОМУ

⟨Лондон.⟩ 29 * марта ⟨1863 г.⟩¹

Многоуважаемый отец Павел,

Письмо ваше получил и виноват, что за разными хлопотами до сих пор не писал к вам. «Вече» с ответом вам послано уже четыре дня тому назад. Сегодня посылаю еще раз на имя отца Андрея, боясь, чтобы как не пропало; я не знаю, как власти у вас смотрят на эту посылку и не оставливают ли **.

В(асилию) И(вановичу) письмо ваше послал². Как же он рад-то будет! Он об вас часто спрашивает, чуть ли не во всяком письме. Он уже давно не у нас, а в Царьграде, о чем, впрочем, никому без нужды не сказывайте. Работает он усердно, пишет ко мне часто. Семейство его еще здесь, но собирается туда же.

Я не скрою от вас, что ваше письмо меня огорчило. У вас слишком много понимания, чтобы вы могли с каким-то недоверием к собственным

* Ранее было: ?0

** Далее зачеркнуто: Мой ответ вам, напечатанный, я вышлю вам завтра. Я боюсь, чтоб его на почте не задержали; от этого в один день с письмом и не посылаю, чтоб не обратить постороннего внимания.

силам отстранять от себя нас, людей вам преданных, и общественные вопросы. Я мало уважаю ученость * книжников; я человек простой и уважаю только здравый смысл и сердечную искренность в деле истины. Поэтому вам отстраняться от меня из-за какой-то мнимой учености несправедливо. Признавая свободу веры без ограничения, я никогда не взгляну на вашу деятельность иначе как с уважением. Дотолковаться до правды мы можем только взаимно уважая свободу убеждения. От этого первое дело, первый долг — работать, для того чтобы никакая власть не стесняла ничьей веры, чтобы человек имел право гласно, а не тайно, принадлежать к избранной им церкви. А эта свобода веры неразрывно связана со всеми вопросами гражданской свободы и поставления человека в возможность обеспечить себя и достоинством и законом настолько, чтоб подчиняться единому долгу, признанному по внутреннему убеждению, по совести, а не долгу, извне насильем налагаемому.

Поэтому меня в самом деле огорчает глубоко то, что вы отказываетесь от участия в деле общественном. Неужели вы думаете, что человек может найти душевное спасение, оставаясь равнодушным к устройству общества человеческого? Ведь это значит коренное равнодушие к ближнему! Это значит тяжкий грех, а не спасение. Апостолы отрицали зло мира сего и сооружали церковь во спасение человечеству и мученически гибли за святое дело. Теперь настает время освобождения церкви, освобождения совести от владычества господствующей, казенной церкви, которое освобождение без коренного изменения общественного устройства невысказано, невозможно. И в это-то время мы останемся равнодушными свидетелями совершающегося и не то что мученичество приемлем, а даже слова своего не скажем? Нет, нет и тысячу раз нет! В этом равнодушии я вижу грех, а не спасение.

Если вы, сильный человек, остаетесь чуждым устройству общества человеческого, что же скажут слабые люди? Они и вовсе отстранятся.

Кто же поможет освобождению церкви, не убоясь самого мученичества?

Куда же денется свобода веры?

О! как это равнодушие далеко — если не от буквы писания, то от сердца апостольского, от того глубоко убежденного, деятельного самопожертвования на благо общее, которое ведет на крест и на спасение.

Отец Павел, не сгуйте на эти строки, они писаны из любви; в них больше плача, чем горечи. Дайте мне вас братски обнять, и надеяться, и ждать от вас участия в общем деле сердечного, преданного, деятельного, апостольского **. Человек немущий, человек голодный — всегда раб человека имущего³. Имущий поддерживает все власти начальствующие для сохранения своего превосходства, а власти поддерживают имущих ***, чтоб посредством их господствовать. От этого происходят и господствующие церкви и грабящие чиновники, и большая часть рода человеческого, нужды ради, склоняется и живет не по своей вере, не смеет признаться в своей вере, прячет ее и утрачивает свою чистоту сердечную. Если мы говорим о земле как о собственности народа, а не частного человека, то это потому, что только при таком порядке вещей каждый человек может иметь право на свою долю из общей земли, — следовательно, каждый может быть огражден от бездомничества, обеспечен в крайних обстоятельствах своего существования. Следовательно, он не пойдет из нужды работать за бесценок, а только за цену безобидную. Стало, имея свой клочок земли по неотъемлемому праву, он не продаст своего труда в кабалу богатому, ни

* Далее зачеркнуто: мира сего

** Здесь первоначально оканчивался текст и следовала подпись: Ваш Николай Платонов. Далее Огарев приписал: Не оставьте меня без отзыва. Много преград и скорбей на пути. Будем же друг другу поддержкою и помощью.

*** Далее зачеркнуто: противу голодных, для того

своей совести в кабалу сильным мира сего. Вы видите, что это не отнимает средств по мере таланта приобретать, но дает то основное обеспечение, при котором * из человека не вымучивается труд и совесть, при котором тело и дух перестают быть продажными и осужденными на рабство.

Неужто это ученость книжников? Ах, отец Павел, отец Павел! Как вам не стыдно взваливать на меня какое-то высокомерие, которого я не причастен и которое считаю за грех. Как вам не грешно ставить между нами какой-то дух состязания, вместо духа любви. Если б вы знали мою ненависть к книжникам и фарисеям современного мира и мою простодушную преданность истине, вы бы не отнеслись ко мне так безучастно, а братски помогли бы подумать общими силами о благе человеческого и о том, что нам, бескорыстно ему служащим, должно говорить и делать **.

¹ Год указан на основании помещенных в письме сведений о семье Кельсиева.

² Письмо Павла Прусского к В. И. Кельсиеву неизвестно.

³ Отсюда и далее Огарев продолжает развивать мысли, которые составляют содержание его статьи «Ответ на письмо об „Общем вече“» во втором номере журнала.

3

ПАВЕЛ ПРУССКИЙ <?> — ОГАРЕВУ

От старообрядца — старообрядцам¹

<4 июня
23 мая 64 г.>

Братья старообрядцы!

Долго молчали мы, взирая с прилежанием, что творится в мире нашей русской политики. Наконец решились из среды нашей издать гласное восклицание в опровержение лжи и в утверждение правды.

Возник в сонме заграничной журналистики какой-то «Европеец». Из первого же листа мы поняли его подрывное завистливое направление против издателей «Общего веча», и прискорбно нам, что зависть и гордость затуманивает общепользную деятельность ложным, но гласным, к несчастью, объявлением на старообрядцев, будто бы которые пренебрегли правду, извещающую в «Общем вече» ради благопознания его издателя и будто бы решились «всех лондонцев предать проклятию, листки их сжечь и никогда не читать»². Ложь, чистая ложь! Напрасно издатель «Европейца» так безопасно раскачивается по каменисто-овражной лжи, где можно нечаянно разбиться. «Погубит господь вся глаголящие лжю, мужа крови и льстива гнушается господь» ***.

Старообрядцы видят, что в «Вече» не печатают статьи о безбожии, но о свободе всех религий, о свободе, которой жаждут наипаче старообрядцы и продолжают читать с должным к правде уважением. Старообрядцы в Москве подлинно знают, что из среды нашей старообрядческой вышли в свет напечатанные в «Общем вече» сочинения, а потому и не сомневаются в искреннем убеждении оных, но продолжают читать с должным к правде усердием ****.

Говорю утвердительно, что старообрядцы не верят тому, чтобы человек, умом одаренный, мог помыслить о безбожии, мы полагаем, что только безумный умозаключает: «*несть бога*».

Умный человек, видя неизмеримое пространство, в котором стройно плавают планеты и сохраняются в неизменном положении, не может сказать, что нет создателя и правителя всему видимому, не может сказать: *несть бога*.

* Далее зачеркнуто: даже и слабый человек не вынужден продавать

** Далее зачеркнуто: Вопрос о браке

*** Псалом 5, с. 7.— Примеч. автора письма.

**** Далее текст, до слов: Да! Кстати, *перечеркнут карандашом*.

Умный человек, видя жизненные процессы, совершающиеся на земли с животными словесными, бессловесными и недвижимыми, в неизменном как бы определенном положении сложения и разложения, не может сказать, что все само беспромысленно совершается, не может сказать: *несть бога*.

Наконец, умный человек, взирая на библейскую историю и на подтверждающий оную род еврейский, над которым ныне царит особый промысл казни, и на христианство, которое посредством (?) без их проповедателей, несмотря на все препятствия и не уступая всего мира гонениям и противлениям, так сильно возросло и укоренилось, не может сказать, что все это совершалось и совершается беспромысленно, не может сказать: *несть бога*.

Умный человек, видя ныне в мире существующие разноверия и разнообрядоисполнения, должен, несомненно, умозаключать, что всему этому поучено продолжаться до того времени, пока божественный соединительный глас все услышат, и тогда будут «едино стадо и един пастырь». Кажется, довлеет сказанное во утверждение правды и на поправление лжи.

Личность г-на Блуммера³ нам неизвестна, но деяния его уверяют нас умозакключать об нем незавидно.

Да! Кстати не преминем сказать о *оказанных заслугах нашего Ермилова*⁴ (писанное вам доложат, есть ли хотите, г-н редактор)⁵.

Николай Платонович!

Василью Ивановичу мы дали книгу древлеписменную «Поморские ответы»⁶. — Есть ли она ему или вам не надобна, просим, пришлите, пожалуйста. Еще у вас есть «Окружное послание» Антониево⁷ — может, вы благоволили бы одолжить нам на короткое времячко, мы бы вам отослали его опосля.

Остаемся, уважая ваши труды и дружбу к нам,

преданный вам Старообрядец

⁴ июня 64 г.
23 мая

¹ Под таким названием — «От старообрядца — старообрядцам» — в разных номерах «Общего веча» был опубликован ряд статей.

² «Европеец» — газета на русском языке, издававшаяся в Дрездене русским эмигрантом Л. П. Блюммером с февраля 1864 г. В первом номере издатель газеты резко выступил против «Общего веча». Он уверял, что старообрядцы не желают читать это издание, так как будто бы все они преданы правительству, и что их раздражение против «Общего веча» особенно усилилось после того, как они узнали, что авторы всех помещенных в журнале статей якобы не верят в бога и что, выступая на страницах журнала под именем старообрядцев, на самом деле будто бы таковыми не являются. Огарев и Герцен обращались к старообрядцам с предложением опровергнуть эти измышления. Их письмо по этому поводу к Гончарову, где цитируется статья Блюммера, см. XVII, 134.

³ О Л. П. Блюммере см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 816; т. 62, 1955, стр. 737—738.

⁴ Федор Ермилов — влиятельный прихожанин московской Преображенской общины беспоповцев, выступил в 1863 г. на страницах газеты «Современная летопись», являвшейся воскресным приложением к реакционной газете Каткова «Московские ведомости», с тремя статьями: «Гражданские думы старообрядца-беспоповца» (№ 33, сентябрь 1863 г., стр. 12—15), «Еще несколько слов к гражданским думам старообрядца-беспоповца» (№ 37, октябрь 1863, стр. 37) и «Продолжение „гражданских дум старообрядца-беспоповца“» (№ 44, декабрь 1863 г., стр. 6—8). Содержание всех этих статей крайне реакционно.

⁵ Смысл этой фразы непонятен.

⁶ Василий Иванович — Кельсиев. «Поморские ответы» — основное догматическое сочинение старообрядцев-беспоповцев, написанное в Выгском старообрядческом монастыре в 1723 г. Основным автором их был Андрей Денисов. Ответы даны на вопросы присланного в монастырь агента правительства и официальной церкви иеромонаха Неофита. Павел Прусский после своего обращения в единоверие опубликовал составленное им опровержение «Поморских ответов».

⁷ «Окружное послание» — старообрядческое сочинение, призывавшее к примирению с господствовавшей церковью. В нем содержался отказ от прежних обвинений правящей церкви в искажении догматов и обрядов. Окружное послание было принято духовным советом (собором) старообрядцев-поповцев в Москве 24 февраля 1862 г. Текст его написан Иларионом Егоровичем Кабановым (Ксеносом). В принятии «Окружного послания» сказались тенденции значительной части верхушки старообрядчества поповского толка к сближению с царским правительством и официальной церковью. Первым подписавшим послание был владимирский архиепископ Антоний — фактический глава московского центра старообрядчества. Среди старообрядцев было много противников послания, во главе которых до 1869 г. стоял белокрыницкий митрополит Кирилл.

А. А. ГЕРЦЕН и А. И. ГЕРЦЕН — В. О. КОВАЛЕВСКОМУ

Публикация И. М. Белявской

Публикуемое письмо является чрезвычайно важным документом для раскрытия позиции издателей «Колокола» в период польского восстания 1863 г., в частности — по вопросу об участии в восстании русских революционеров. Известно, что Герцен был поборником независимости польского народа. Он неустанно оказывал морально-политическую и практическую поддержку польскому национально-освободительному движению. Когда в 1863 г. в Польше началось восстание, Герцен не только желал ему успеха, но и надеялся, что в России весной и летом 1863 г. развернется борьба крестьян против самодержавия и помещиков и русское освободительное движение сокинется с польским восстанием. Важнейшим условием, при котором польское восстание могло способствовать развитию народного движения как в Польше, так и в России, Герцен считал следующее: польская революция должна принять за основу «аграрное начало», признать «волю областей» (XVI, 532). Издатели «Колокола» полагали, что польское восстание будет развиваться именно в этом направлении и окажет действительное влияние на развертывание освободительного движения в России. «Старайтесь пользоваться и поддерживать польскую революцию, — писал Герцен В. И. Касаткину 27 марта 1863 г., — чтобы, в свою очередь, они нас поддержали. С весной это примет настоящие размеры» (XVI, 150). В то же время издатели «Колокола» понимали ограниченность польских повстанцев в социальных вопросах и их национализм. В этом смысле издатели «Колокола» и считали «польское дело чужим». Вместе с тем, они не переставали видеть в польском восстании дело свободы. Так, Огарев, говоря в своей статье «Надгробное слово» о польском деле, как о чужом «по многой розни в постановке общественных вопросов», одновременно указывал, что оно и свое дело, «потому что оно дело свободы» («Колокол», л. 162 от 1 мая 1863 г.). Вопрос об участии русских революционеров в польском восстании издатели «Колокола» ставили в зависимость от того, какой в конечном счете оно примет характер, какие тенденции в нем будут преобладать. «Перейдет ли польское дело из национального в крестьянское и, с литовской окраины, как дрожжи, зацвелит всю Россию?» — ставили вопрос издатели «Колокола» (там же). Эти же вопросы поднимаются и в инструктивной записке Огарева «Три вопроса...», составленной в конце марта — начале апреля 1863 г., то есть тогда же, когда писалось публикуемое письмо (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 518—522). Как в записке «Три вопроса...», так и в публикуемом письме отражены сомнения издателей «Колокола» в том, примет ли польское восстание народный характер. Именно в этой связи Герцен в публикуемом письме и ставит вопрос: «Не побережь ли свои силы на свое дело?». Во второй половине 1863 г., когда уже не было никаких сомнений относительно того, что польское восстание не может послужить «ферментом» для подъема революционного движения в России, Герцен прямо заявлял, что польское дело «не наше дело, хотя и правое относительно» (XVI, 492).

Публикуемое письмо дошло до нас в перлюстрационной копии агента III Отделения. Хотя на конверте фамилию адресата агент обозначил «J. Kowalewski», письмо,